

Блеск крови на суданском золоте

≡ Автор	Сергей Коняшин
@ Email	sergey.konyashin@gmail.com
📅 Date	@February 2, 2025
↗ English version	The Luster of Blood on Sudanese Gold

За неполные два года кровопролитная гражданская война в Судане унесла жизни многих десятков тысяч людей. Десятки миллионов стали беженцами и т.н. ВПЛ — внутренне перемещенными лицами, т.е. беженцами в собственной стране. В недалеком прошлом крупнейшая и богатейшая страна Африки, второго по величине континента мира, сегодня почти вся лежит в обугленных и залитых кровью руинах, а ее уцелевшие граждане с трудом выживают, часто не имея ни крова, ни пищи, ни даже питьевой воды.

По обилию бедствий и разрушений, по размаху и жестокости военных преступлений, по количеству жертв и размеру гуманитарной катастрофы суданская гражданская война значительно опережает безжалостные российско-украинскую и израильско-палестинскую войны вместе взятые. Однако сообщения об этой войне — происходящей, по мнению большинства в мировом сообществе, где-то далеко, на глухой окраине цивилизации — редко попадают в мировые СМИ.

А зря! Печальный пример суданского диктатора Омара аль-Башира и драматической судьбы его страны, разоренной им вместе с российской ЧВК «Вагнер», должны быть весьма поучительны для многих современных диктаторов. Тем более что Москва, хоть и ненамеренно, но все же сыграла не последнюю роль в развале суданской государственности.

Судан и путинская дипломатия

Я уволился из МИД России в 2021 г. — незадолго до путинской агрессии против Украины. Конечно, я ничего не мог знать о преступных планах Путина. Просто стремительная деградация государственных институтов России, которую я имел возможность наблюдать, будучи российским дипломатом, к тому времени становилась все более очевидной. Поэтому у меня не осталось никакого желания служить диктаторскому путинскому режиму.

В значительной степени на мое решение повлияли четыре года работы в Судане, где я был российским консулом и политическим офицером посольства России в Хартуме. В качестве последнего я вел т. н. «Дарфурское досье», т.е. курировал круг вопросов, связанных с урегулированием последствий геноцида арабскими бандформированиями коренного чернокожего африканского населения в начале 2000-х гг. в Дарфуре — самом западном регионе Судана, на границе с Чадом.

Отношения между Суданом и Россией развивались в основном на базе схожести их политических режимов, т.е. как близкое товарищество двух персоналистских диктатур с узурпаторами власти и военными преступниками во главе. Никаких национальных интересов обеих стран или их народов такие отношения никогда не учитывали.

Тогдашний суданский президент Омар аль-Башир, бывший военный, захватил власть в своей стране в результате обычного для Африки государственного переворота в начале 1990-х гг. Однако очень быстро, уже к середине 2000-х гг., он стал полным изгоем на мировой арене. Как и на Путина сейчас, на него тоже был выписан ордер Международного уголовного суда за его многочисленные, жестокие, очень мерзкие преступления против человечности, совершенные в Дарфуре бандами его головорезов, известными под собирательным прозвищем «Джанджавид».

Его неоднократные отчаянные попытки прорвать международную изоляцию и хоть как-то сблизиться с Вашингтоном не увенчивались успехом. С ним последовательно и однозначно отказывались общаться любые приличные (развитые демократические) государства.

Поэтому путинская Россия стала для аль-Башира тем самым раком на безрыбье, которым он был готов временно довольствоваться, постоянно надеясь тем не менее на снисхождение со стороны США.

Стоило бы Вашингтону сделать хоть одно движение пальцем, чтобы пригласить его к диалогу, он мгновенно разорвал бы любые связи и с Россией, и с любой другой страной, с какой потребовали бы американцы. Так что российско-суданские отношения всегда были не более чем очень хрупким ситуативным партнерством, обусловленным исключительно слабой заинтересованностью западных государств взаимодействовать с токсичным режимом аль-Башира, а также неразборчивостью Путина в международных связях.

Это, кстати, очень много говорит о пресловутом геостратегическом «гении» Путина, миф о котором активно раздувает кремлевская пропаганда. Внешнеполитические решения российского президента очень часто отличаются слабой, поверхностной экспертизой, не учитывают многих ключевых факторов и рисков. Если мы, конечно, не говорим о тех решениях, которые изначально сознательно принимаются с коррупционными целями и по определению не служат национальным интересам.

Судан — один из многочисленных подтверждений этого.

В качестве характерного примера вышесказанного можно вспомнить амбициозную идею Путина конца 2010-х гг. о создании в Порт-Судане на Красном море пункта снабжения российского флота с последующим его расширением в полноценную военно-морскую базу. После закрепления в сирийском Тартусе, откуда теперь российским войскам приходится выходить, это действительно выглядело весьма правильным шагом: присутствие Военно-морских сил РФ в мировом океане расширилось бы и укрепилось. Москва придавала тем планам очень серьезное значение. Ведь его воплощение принесло бы России много пользы, если им занимались люди, хоть немного более профессиональные, чем Путин.

Хартум поставил вопрос о создании базы в зависимости от исполнения Россией своих обязательств перед ним — включая возврат земельного участка в Москве, отнятого у суданской стороны в начале 2000-х гг. Дело в том, что между Суданом и Россией существовала договоренность об обмене земельными участками в столицах обоих государств для строительства новых посольств. Однако по дошедшей до меня информации, земля, отведенная суданцам в Москве, оказалась продана в результате махинаций Лужкова в интересах строительного бизнеса его жены. Хартум, настаивая на принципе взаимности, разрешил россиянам

начать строительство своего посольства на выделенном участке в районе Соба (юг Хартума) только после того, как Судан получит свой участок в Москве. Однако вся путинская «вертикаль» не смогла решить этого вопроса. В результате ни одно из посольств построено не было.

Еще одной точкой напряженности в отношениях Путина с аль-Баширом стала поддержка Москвой генерала (затем маршала) Халифы Хафтара в Ливии. Тот активно вербовал в свои ряды, иногда даже прямо на предоставляемые ему российские деньги, оппозиционных Хартуму дарфурских повстанцев, обеспечивая их регулярным боевым опытом, автомобилями (популярными в Африке пикапами-внедорожниками), деньгами, оружием, боеприпасами и т.д. Вернувшись в Судан и используя все это, те успешно воевали против армии аль-Башира. Это также вызывало у суданского президента растущее недовольство Россией. Закономерным следствием столь непоследовательной и плохо выстроенной внешней политики Москвы стало то, что многие российские проекты в Судане остались не реализованными. Среди них — открытие очень важного для Москвы пункта снабжения флота в Порт-Судане.

Стоила ли поддержка ливийского изгоя Хафтара базы ВМФ России на Красном море? Очевидно, что нет. Но проблема в том, что решения о развитии отношений с Суданом и Ливией принимал, к сожалению, тот же самый человек, который втянул Россию и в другую провальную, изначально бесперспективную, сирийскую авантюру. И так же, как во всех остальных случаях, решения Путина по Африке и Ближнему Востоку не отличались ни мудростью, ни профессионализмом.

Не стоит служить Путину

Через несколько лет, проведенные на дипломатической службе, мне стало понятно, что в качестве российского дипломата я никогда не защищал интересов страны, которую представлял. Своим трудом и старанием я лишь обеспечивал поддержание антинародной коррумпированной автократии Путина и его банды, принося тем самым России скорее вред, чем пользу. Это вступало в острое противоречие с моими принципами, убеждениями и ценностями. Поэтому в 2021 г. я принял для себя сложное волевое решение перестать служить преступному путинскому режиму.

К тому времени я подошёл в должности российского консула в Алжире, за моими плечами уже оставались интереснейшие командировки в Йемене и Судане, опыт взаимодействия с международными организациями, участие в миротворческой деятельности и многое другое, что безусловно обеспечило бы мне дальнейшее успешное продвижение по карьерной лестнице. Однако кумовство, коррупция, предательство национальных интересов в угоду олигархическим, деградация российской дипломатии, ее моральное разложение и т. д. — сильно отвратили меня от желания продолжать строить карьеру в системе путинской бюрократии.

Уходя из МИДа, я терял, конечно, очень многое. Из просторной элитной квартиры в престижном районе алжирской столицы с потрясающим видом на лес, горы и Средиземное море я вернулся в тесную панельную «хрущевку» в родном Новороссийске. Предоставленный посольством дорогой автомобиль с дипломатическими номерами я сменил на старый личный велосипед. Статусную высокооплачиваемую работу — на случайные нерегулярные заработки. Заказы по дипломатической выписке — на приложение популярного супермаркета с отслеживанием акционных товаров с истекающим сроком годности со скидкой.

Ситуация критически усугублялась висевшими на мне огромными кредитами перед несколькими банками, часть из которых была

позже продана коллекторам. К концу 2021 года, который я встречал в кругу коллег-дипломатов в роскошном ресторане в величественной средневековой Касбе («старый город» в центре алжирской столицы), российские судебные приставы по требованию кредиторов арестовали всё мое имущество, включая банковские счета, и у меня не хватило денег даже на оплату процедуры банкротства.

Тем не менее я совершенно сознательно и добровольно заплатил эту цену за отказ от участия в преступной внешней политике Владимира Путина. За то, чтобы в дальнейшем — в частности, 24 февраля 2022 г. — не числиться российским дипломатом и в рядах порядочных людей противостоять преступной войне против братского украинского народа, а не разделять ответственность за неё.

Необходимость пресмыкаться перед вышестоящими начальниками и постоянно идти на компромисс с совестью я сменил на свободу и редкую в России привилегию называть вещи своими именами. К сожалению, для нас — россиян, живущих при Путине — подобного рода сделка может быть только пакетной. У нас нет опции отказаться от чего-то одного, сохранив остальное. Однако я искренне считаю, что возможность честно, не отводя стыдливо глаз и не мучаясь угрызениями совести, объяснять своим детям, что лгать, воровать и убивать — плохо, намного ценнее любых благ, которые может дать тебе фашистский путинский режим.

Последние события в Украине со всей очевидностью подтвердили, что мое решение не иметь больше никаких дел с российским МИДом и российским государством в целом в его нынешней форме и при действующих руководителях было полностью правильным. Это к пресловутому вопросу о якобы невозможности для российского чиновника уйти с государственной службы.

Поэтому если вы, читающие эти строки, сами состоите сейчас на давно разочаровавшей вас российской госслужбе (уверен, что таких людей очень много), но до сих пор не решаетесь с нее уйти, просто задумайтесь о том, что если на вас не висит несколько миллионов кредитов и не заведено исполнительное

производство, если вас и членов вашей семьи не преследуют судебные приставы и коллекторы, ваша ситуация уже намного лучше моей на тот момент, когда я увольнялся из МИДа... Однако если вы твердо знаете, что вы человек пустой и никчемный, ничего из себя без своей должности не представляющий и умеющий лишь угодливо прислуживать начальству, то ни в коем случае не следуйте по моему пути. Более подходящего для вас места, чем госслужба в России вы больше нигде не найдете.

На сцене появляется ЧВК «Вагнер»

Однако вернемся ко временам моей хартумской командировки в середине 2010-х гг. Именно в то время в Судане, как и в некоторых других странах Ближнего Востока и Северной Африки, начала активно действовать и расширять свое присутствие ЧВК «Вагнер», принадлежавшая близкому другу Путина — Евгению Пригожину.

В России, как известно, запрещено создавать частные армии, участвовать в них или управлять ими, поэтому деятельность вооруженной группировки Пригожина изначально была юридически преступной. Однако фактически ЧВК «Вагнер» процветала благодаря ее активной неформальной поддержке со стороны Путина. Именно под покровительством Путина многие крупные контракты в сфере государственных закупок в России заключались целенаправленно со структурами Пригожина. В частности, все рестораны и кафе в здании МИД на Смоленской площади в Москве обслуживал один-единственный поставщик — принадлежавшая Пригожину фирма «Конкорд». Она же контролировала поставки продуктов питания практически для всех государственных ведомств и силовых структур по всей России.

В Судане основной интерес для Евгения Пригожина и его ЧВК «Вагнер» представляла добыча золота. Для обоих диктаторов — и Путина, и аль-Башира — это была выгодная сделка: первый получал прямой доступ к обширным природным ресурсам одной из крупнейших стран Африки, второй — надежные схемы вывода каналов торговли своим золотом из-под многочисленных международных санкций. Добытое в Судане золото шло на мировой рынок, в основном через ОАЭ. На эмиратских биржах оно продавалось как российское. «Вагнер», таким образом, помогал аль-Баширу обходить западные санкции.

В этих целях один из ближайших соратников Пригожина, Михаил Потепкин, учредил компанию «Мероз Голд», которая действовала в Судане под брендом «М-Инвест» и занималась разработкой нескольких перспективных месторождений. В целях экономии на издержках производства и повышения прибыли золотодобыча велась самыми варварскими методами с использованием дешевого и фактически рабского труда сотен простых суданцев. Несмотря на опасное применение ртути, суданским работникам не предоставлялись никакие средства защиты. По доходившей до меня информации, многие рабочие получали тяжелые химические отравления и даже умирали. «М-Инвест», разумеется, не оплачивал лечения и не предоставлял никаких компенсаций семьям умерших. Суданцы, пытавшиеся протестовать против произвола россиян, подвергались жестоким преследованиям со стороны «Вагнера» при молчаливом попустительстве правоохранительных органов режима аль-Башира, а иногда и при деятельной поддержке последних.

Наиболее резонансный из подобных случаев произошел близ поселения и одноименного месторождения золота Абу-Хамад в штате Северный, где в 2017 г. вспыхнул крупный протест против «Вагнера» и устроенных им экологических загрязнений. Подавляя его, российские наемники расстреливали манифестантов из автоматов. Официальный Хартум не только не мешал россиянам истреблять суданских граждан, но и приложил все усилия, чтобы скрыть информацию о том и многих других подобных происшествиях. По неофициальным данным, из циркулировавших в Судане слухов, я узнал, что только одних убитых при стрельбе у Абу-Хамад было не менее 73 человек, включая детей. Официально же, боюсь, эту информацию, к сожалению, уже никто никогда не проверит — золото оказалось для диктатора аль-Башира намного дороже крови его сограждан.

Таким образом, Россия, регулярно обвиняющая европейские страны в преступлениях колониализма прошлых веков, сама вела себя в Судане в XXI веке не многим лучше. Видя на примере угнетаемых суданцев, какой страшной ценой добывается золото, во время своей работы в Хартуме я полностью перестал носить любые украшения из драгоценных металлов, включая цепочку и обручальное кольцо, и не делаю этого до сих пор по этическим соображениям.

За совершенные в том числе в Судане преступления, среди которых значились серьезные нарушения прав человека, пытки и убийства, включая внесудебные казни, Михаил Потепкин был включен в санкционные списки многих развитых демократических государств. Однако в Хартуме он чувствовал себя совершенно комфортно и вел роскошный по местным меркам образ жизни. По объему реальных, а не формальных, полномочий и влиянию на развитие двусторонних отношений между странами он значительно превосходил российского посла.

В качестве показательного примера можно вспомнить такой случай. В Судане регулярно случались перебои со снабжением топливом. В этих

случаях суданский МИД выделял дипломатическому корпусу субсидированное количество бензина и дизеля. Поскольку у российского посольства был очень маленький автопарк, ему традиционно давали очень мало квот. Во время очередного из таких кризисов водитель обратил внимание, что выделенного топлива нам не хватает. Наш посол во время очередной рабочей встречи в МИД Судана пытался получить дополнительные квоты, но ничего не добился. Когда в ситуацию вмешался Потепкин, он решил вопрос одним звонком.

Судьба посла и посольства

Разумеется, сложившееся положение дел в российско-суданских отношениях: преобладание финансовых интересов группы преступников, находившихся в дружеских отношениях с Путиным, над подлинными национальными интересами России в одной из ключевых стран Африки, — вызывало стойкое раздражение, гнев и отвращение у всех порядочных дипломатов, включая посла России в Судане (2013–2017) Миргаяса Ширинского.

Миргаяс Миргаясович Ширинский (1954–2017), Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Судан (2013–2017). 7 сентября 2016 г., г. Эль-Фашер, штат Северный Дарфур.

Ширинский был выдающимся представителем советской дипломатической школы. В 1970-е гг. он служил личным переводчиком арабского языка для генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Брежнева — одного из первых мировых лидеров, посетивших Судан после обретения им независимости. Он был человеком интеллигентным и любил, чтобы все было по правилам. Как мне кажется, он не до конца понимал, в какой реальности он живет. А новая путинская реальность была такой, что многие африканские диктаторы, включая генерала аль-Башира в Судане или ранее упоминавшегося маршала Хафтара в Ливии, воспринимали ЧВК «Вагнер» законным представителем российского президента — что, кстати, было совсем не далеко от истины.

В то время, когда ЧВК «Вагнер» и обслуживавший ее интересы «М-Инвест» располагали фактически неограниченными ресурсами, арендовали для своих сотрудников элитные виллы с бассейнами и садами, передвигались по Судану на дорогих автомобилях, Посольство России

часто не могло позволить себе даже минимально необходимых расходов — например, арендовать квартиры для сотрудников, вынужденных жить в административном здании посольства. Раньше это был обычный жилой дом, который арендовали под дипмиссию еще в советские времена и с тех пор ни разу как следует не ремонтировали.

В этом здании находились не только кабинеты посла, военного атташе и других дипломатов, канцелярия, референтура (отдел секретной связи) и прочие служебные помещения, но и даже общежитие для технического персонала. Во всем остальном дипкорпусе подобное убожество мы видели разве что только в посольствах самых бедных и отсталых африканских стран. Поэтому приглашая к себе на рабочие встречи коллег-дипломатов из других посольств, приходилось постоянно испытывать жуткую неловкость. Ведь им приходилось заходить на встречу со мной через ржавую сломанную калитку, иногда буквально между технических сотрудников российского посольства, возвращавшимися с покупками из магазинов или с рынка. Очень часто бывало, что кто-то из живущих внутри здания готовил пищу и ее запах разносился по всем помещениям. Из-за этого я часто стеснялся проводить рабочие встречи в собственном посольстве и предпочитал ездить к коллегам сам, несмотря на сильную африканскую жару, грязь на улицах и огромные пробки на дорогах.

Для сравнения — у американского посольства на окраине Хартума был целый комплекс со своими многоэтажными офисными зданиями, жилыми корпусами и даже собственным магазином. Внутри территории были даже полноценные автомобильные дороги, с разметкой, дорожными знаками и светофорами. Одна только автомобильная стоянка перед воротами американского дипломатического комплекса по площади раз в десять или больше превышала совокупную площадь нашего посольства. Это выглядело как кусочек Нью-Йорка внутри суданской столицы. Кстати, располагалась американская дипмиссия практически по соседству с пустым, густо заросшим сорняками участком в районе Соба, выделенным под строительство российского посольства. Поэтому если бы в Москве не украли суданскую землю и Россия смогла бы построить там свой дипломатический комплекс, то мы, возможно, работали в таких же, как у американцев, условиях.

Другой показательный случай относится к 2016 г., когда в Хартуме произошли первые столкновения манифестантов с полицией и появился риск дестабилизации обстановки. Москва решила прислать в Хартум

оперативную боевую группу «Заслон» — специальное подразделение СВР, отвечающее за охрану российских дипмиссий. Численность отряда составляла всего четыре человека, но в здании посольства, собственно, которое они и должны были охранять, не оказалось ни одной свободной комнаты даже для этой группы. В каждом без исключения помещении, в жуткой тесноте и дискомфорте, уже жил кто-то из технического состава. Чтобы освободить место для казармы «Заслона», посол поручил мне заниматься расселением части этих сотрудников, но средств на это Москва фактически не предоставила. Поэтому наплевав на все регламенты и жилищные нормы МИДа, я был вынужден снимать для выселяемых людей очень плохие квартиры. Они были в настолько ужасном состоянии, что, наверное, не каждый суданец согласился бы там поселиться.

Впрочем, поразило меня в той ситуации совсем другое. Помню, как, скрепя сердце, едва ли не сгорая от стыда, что вынужден принимать в этом участие, я показывал одну из таких очень старых, убогих квартир водителю посла и его жене, которые должны были в нее переехать. Они ходили и осматривали ее с очень мрачными насупленными лицами — от отвращения к состоянию жилья, как мне сперва показалось. Я как мог пытался сладить ситуацию. Говорил, что сделаю, все от меня зависящее, чтобы помочь им получить лучшие условия из возможных. Обещал, что буду приезжать, чтобы переводить их переговоры с хозяином квартиры, в любое время, когда им потребуется.

— Да о чем с ним разговаривать?! — грустно махнул рукой водитель.

— Просто спроси, сможет ли он нам сюда «Первый канал» провести? (в здании посольства у них было российское телевидение).

— Это вообще не проблема, — ответил я. — Думаю, хоть сегодня же вечером после работы наш инженер сможет настроить вам «Первый канал».

— Правда?! — воодушевились и просияли оба. — Тогда мы согласны здесь жить!

Честно говоря, до того момента я не задумывался о том, насколько сильно простые россияне зависят от телепропаганды. Лично мне, например, всегда хватало самого обычного суданского пакета спутникового телевидения, содержащего более тысячи разных каналов со всего мира. Поэтому, мне никогда даже в голову не приходило ставить себе «Первый

канал» в Судане, и уж тем более рассматривать его как условие, настолько сильно компенсирующее низкое качество жилья.

В зашифрованной переписке с Москвой посол Ширинский часто называл ситуацию, в которой мы были вынуждены жить и работать, «позором» или «катастрофой». А в неофициальных беседах, в том числе с представителями ЧВК «Вагнер», позволял себе и более крепкие выражения. Возникшая между ними взаимная скрытая вражда породила немало домыслов после очень странной гибели Миргаяса Ширинского в бассейне своей резиденции в г. Бахри 23 августа 2017 г.

У меня, разумеется, нет прямых доказательств причастности людей Михаила Потепкина или других боевиков ЧВК «Вагнер» к убийству моего бывшего начальника, однако в этом происшествии было много труднообъяснимых обстоятельств. Во-первых, непосредственно в момент гибели посла в его резиденции находились как минимум два его телохранителя — сотрудники того самого ОБГ «Заслон», прибывшие годом ранее для охраны посольства (т.е. фактически половина всего их хартумского отряда). Никто из них не понес никакой ответственности за случившееся, хотя безопасность первого лица дипмиссии была их первоочередной задачей. Во-вторых, сразу после гибели Ширинского из Москвы пришла шифрограмма с категорическим требованием не допустить вскрытия его тела суданскими судмедэкспертами. И я в числе других сотрудников посольства был вынужден принимать участие в исполнении этого поручения. Если бы наши усилия оказались менее успешными, возможно, сегодня мы знали бы намного больше о событиях того дня.

Освободившийся пост российского посла в Судане занял Владимир Желтов, ранее служивший советником в Сирии, где ЧВК «Вагнер» к тому времени уже приобрела значительное влияние. В частных разговорах с подчиненными Желтов давал понять, что имел богатый опыт исполнения деликатных секретных поручений, в том числе в интересах ЧВК «Вагнер». Помимо этого, а также богатого коррупционного опыта, проявившегося, в частности, в его махинациях с арендой жилой недвижимости для дипломатов, Желтов также продемонстрировал, что находился в хороших отношениях с руководством ЧВК «Вагнер». Несколько раз он присутствовал на закрытых встречах Евгения Пригожина с президентом аль-Баширом и выезжал с ними на военные учения на закрытых полигонах близ суданской столицы, где бойцы «Вагнера» тренировали суданских

солдат. При Желтове Михаил Потепкин и другие сотрудники «М-Инвест» стали намного чаще бывать в российском посольстве.

Примерно в то же время — в середине 2018 года — из Москвы в Хартум прибыла группа экономических экспертов для консультирования министерства финансов Судана. Приезд российских советников был во многом пролоббирован со стороны ЧВК «Вагнер». Одним из переводчиков в той группе был мой бывший коллега по «Первому каналу», где я работал до перехода на дипломатическую службу с 2006 по 2010 гг. Из общения с ним я узнал много интересного о плачевном состоянии суданской экономики на тот момент. Сложно сказать, стала ли ее дальнейшая стремительная деградация следствием непрофессиональной работы российских советников или ее закономерно доби́ли американские и международные санкции, но факт в том, что к окончанию моей командировки в Хартуме в ноябре 2018 г. в Судане резко выросла инфляция, полки большинства магазинов опустели, начались серьезные проблемы с поставками хлеба и топлива.

На этом фоне 9 ноября 2018 г. с рабочим визитом в Хартум прибыл замминистра иностранных дел, спецпредставитель президента РФ по Ближнему Востоку и странам Африки Михаил Богданов. Т.н. «рабочий» визит производился на частном самолете его хорошего друга-бизнесмена Бориса Иванова, на тот момент управляющего директора канадско-нидерландской компании «GPB Global Resources B. V.» — и конечно, в непосредственном сопровождении последнего. На всех своих совместных с Ивановым многочисленных встречах в ходе двухдневной поездки — от президента аль-Башира до отдельных министров — Богданов начинал все переговоры с бизнес-интересов своего друга и только после того, как все они были полностью и безоговорочно улажены, переходил к официальной программе «своего» визита. Такой уровень коррупции и лоббизма казался запредельно диким даже на африканском фоне.

Михаил Богданов и Борис Иванов. Встреча в Министерстве нефти и минеральных ресурсов Республики Судан, г. Хартум. 10 ноября 2018 г.

Запись из моего дневника за 10 ноября 2018 г.

Во второй половине дня по вине суданской стороны (протокол МИДа не скоординировал свои действия с аппаратом Национальной службы разведки и безопасности) произошла накладка. В 15:00 вместо главы НСРБ С. Гоша нас привезли к помощнику президента по развитию отношений со странами БРИКС А. Аль-Джазу. Б. Р. Иванов, для которого встреча с Гошем по вопросам охраны золотых месторождений их суданского филиала «Куш» была явно важнее, чем с Аль-Джазом, отреагировал весьма вызывающе — в матерной форме нахамил нашему послу, пытался развернуть кортеж и уехать, даже не войдя в дом.

М. Л. Богданов такое поведение своего товарища, мягко говоря, не пресек. Наверное, когда летаешь на чужом самолете и живешь в президентском люксе за счет руководства частной компании (зарегистрированной, кстати, в Канаде, как выяснилось, а не в России), возражать действительно сложно...

Видимо, поэтому встреча российской делегации в интересах развития двусторонних отношений так легко отменяется по решению частной фирмы, обсуждающей в ходе визита собственные бизнес-проекты.

Суданские ужасы

Через несколько месяцев после завершения моей командировки, в начале 2019 г. восстание суданской армии свергло президента аль-Башира. Власть в стране перешла к Переходному военному совету, который возглавил генерал Абд-аль-Фаттах аль-Бурхан. Омар аль-Башир был арестован, брошен в тюрьму Кобар в Хартуме и предан суду. «Русские друзья», которым он столь неосмотрительно доверился, просто бросили его. Точно так же, как они бросят потом пять лет спустя, другого своего товарища, такого же диктатора и военного преступника — Башара аль-Асада в Сирии в 2024 г. Точно так же, как они всегда и везде бросают всех своих союзников.

В декабре того же 2019 г. бывший президент Судана был осужден за совершенные им преступления и приговорен тюремному заключению на родине. В феврале 2020 г. правительство Судана согласилось передать его Международному уголовному суду (МУС) для рассмотрения обвинений в геноциде и военных преступлениях в Дарфуре. Фактическая передача аль-Башира в МУС до сих пор не состоялась по ряду процессуальных причин, а также из-за состояния здоровья осужденного (страдает от сердечных заболеваний).

В апреле 2023 г. между суданской армией, возглавляемой пришедшим к власти генералом аль-Бурханом, и Силами быстрого реагирования (созданными аль-Баширом в 2013 г. фактически по тому же образу что и ЧВК «Вагнер») под руководством одиозного генерала Мухаммада Хамдана Дагло вспыхнул конфликт из-за противоречий вокруг распределения власти. Почти мгновенно он перерос в гражданскую войну, которая привела к огромным жертвам среди мирного населения и серьезно усугубила гуманитарный кризис в и без того разоренной стране.

По состоянию на сегодняшний день ситуация в Судане остается крайне напряженной. Кровопролитная гражданская война продолжается. В ней уже погибли более 150 тысяч человек. Почти 11 миллионов потеряли свои дома и стали ВПЛ (внутренне перемещенными лицами). Более 2,3 миллиона стали беженцами (т.е. сбежали в соседние страны). И пока весь мир занят крошечной Палестиной, получающей ответные удары от Израиля после ее агрессии 7 октября 2023 г., никому на планете нет никакого дела до огромного, превращенного в настоящий ад Судана. А ситуация там продолжает стремительно деградировать с каждым днем. Наблюдать за этим мне, как человеку, искренне полюбившему ту страну, очень больно.

Драматический пример Судана — некогда одной и крупнейших, красивейших и богатейших стран Африки — ясно показал, насколько неэффективна внешняя политика Владимира Путина, Сергея Лаврова, Михаила Богданова и прочих российских коррупционеров от дипломатии рангом ниже. Насколько пагубны их действия и для России, и для тех стран, которые имели неосторожность посчитать Россию своим союзником. В этом смысле нынешняя гражданская война в Судане, спровоцированная в том числе деятельностью российских наемников, стоит в одном ряду с войной в Украине, развязанной Кремлем,

и оборонительной войной Израиля против террористов ХАМАС, который всегда получал от Москвы щедрую финансовую и деятельную политическую поддержку.

Тем не менее я надеюсь, что, преодолев нынешний кризис, Судан возродится и в сотрудничестве с передовыми странами мира займет достойное место среди лидеров Африки. По крайней мере, мне хочется, чтобы Хартум вновь стал таким же красивым и безопасным городом, каким я его помню. Мечтаю еще раз посетить древние пирамиды Мероэ в Баджравийе и выпить вкусного суданского чая на берегу Белого Нила. Поэтому от всей души желаю всем своим суданским друзьям счастья, процветания и мирного неба над головой.